

и огнемъ сих опепелити, (л. 81) въздвизати же честныхъ божіихъ церквей, даже и память наша, яко благочестивыхъ и ревнителехъ будетъ въ вѣкы безконечныя въспѣваема. «Въ память бо, рече, вѣчную будетъ праведникъ, отъ слуха лукаваго не убоится». Кто сія рекль ест? Не блаженный ли Давидъ? Еда солга? Ни о немъ бо первомъ исполнися реченое. Колико роды мимотекоша, и память его не истребися, но еще въ устѣхъ всѣхъ носятся его на иноплеменниковъ съ благочестіемъ и правдою безчисленаа исправленія. Что убо? не бѣ ли и онъ царь златомъ и серебромъ обливаемъ и властію великою обложенъ, но ничто же сіа вся возмогоша повредити его не угодити богу, занеже самъ глаголаше о себѣ къ вышнему: «Въ сердци моемъ скрыхъ словеса твоя, яко не съгрѣшити тебе». И паки, отъ иноплеменниковъ стужаемъ, рече къ вышнему: «ибо седоша князи на мя глаголаху, рабъ же твой поучаашеся въ оправданіи твоихъ, ибо свѣдѣнія твоя поученіе мое суть и свѣты моя — оправданія твоя». И елика иная сицѣвая пророчество съдръжитъ, ихъ же всѣхъ ревнители явившеся, иже во царехъ равноапостоль Константинъ Великій, Феодосій же и Уалентиніанъ и всѣ иже по тѣхъ благочестивѣ царствовавшей и богу благочестіемъ (л. 81 об.) и правдою угодиша, и вѣставшіа по времена врагы свѣтло и преславно угодиша, нѣкихъ же и въ благочестіи преложиша святителскимъ ученіемъ и различными благотвореніи, всѣхъ царю бо Христу себе и дрѣжаву свою покоривше, и ничто же отъ привлчачихъ въ сладости и временныя славы предпочитавше паче любве, яже въ Христа, но вся умышляюще въ славу христову и разширеніе божественаго его евангелія, самого всѣхъ царя сподобишася и воеводу и победителя и свѣтника, иже и дрѣжаву твою съблюдаетъ и управляетъ, тако же и въ градущее (sic) исправитъ. Готовъ бо естъ славящихъ его прославляти и последующихъ ему наставити въ путъ правъ, ведущій въ животъ вѣчный, его же буди дрѣжавѣ твоей получитьи съ всѣми отъ вѣка царствовавшими славнѣ и благочестивѣ, аминь.

Сія же писахъ къ высоте крѣпкаго и чествуемаго царствія твоего, надѣявша въ ми(ло)сть его и въ дарованную ему отъ бога благоразумную мудрость, ею же кротко услышитъ всѣхъ могущихъ свѣтовати, что полезно обществу и времени пристоящее, избираетъ же благоразумно ползующаа, аще и отъ худѣйшаго будутъ реченаа. Аще же нѣгде явится словеси усремленіе дрѣзостнѣ (л. 82) паче подобнаго глаголати, да не вменится, молю дрѣжавы твоея, изволенію писавшаго, но неискусію въ бесѣдахъ, яже къ царствующимъ. Мы же и себе и честную обитель Ватопедъ поручаемъ царствію твоему, яко да изволитъ отпустить и насъ восвоиса, и аще нелетъ естъ инуди индѣ отпустить насъ, поне откуда отпусти инока Климента.